

В. Рудин

ПОЛОВОДЬЕ

Рассказ



Вода прибывала.

Вот уже некоторые сутки шелест мелкий майский дождь, и где-то далеко в горах под этими теплыми струями расплзался снег — застарелый, зернистый.

Запань чуть поскрипывала под напором бревен. Их не успевали выкатывать из воды: стремительное течение бросало на запань десятки, сотни новых комлей.

Еще со вчерашнего дня люди на берегу засуетились. Как передавали, в верховьях река уже поднялась почти на три метра. Если вся масса воды дойдет сюда — не миновать беды: запань окажется под водой, и ничем не сдерживаемый лес ринется вниз по течению. Лес — десятки тысяч кубометров, вся зимняя многомесячная работа.

От того, что вода прибывала, а дождь шелестел и шелестел, все муторнее становилось на душе у Виталия Мякишева, у «Витьки-доктора» — невысокого плечистого парня со скуластым решительным лицом.

...Тревожно оглянувшись на пенные волны, он, уперев багор в комель бревна, ловко толкнул его на медленно вышедшую из-под воды звездочку лесотаски. Виткин напарник грузин Гиго, стоявший по другую сторону пощелкивающего конвейера, подхватил бревно багром, чуть подправил его, и огромный ствол лениво пополз по желобу. К самым верхним штабелям. А Витка, все так же тревожно оглядываясь на бившуюся у ног воду, уже ловил другое бревно, а

за ним по стремительной воде наплывали десятки, сотни. Только бы выстоять!

На подаче у головки лесотаски Витка стоял с весны.

Первые две недели работа давалась тяжело. По ночам ломило поясницу, гудели натруженные руки. Потом это почти прошло — Витка будто приловчился к обычному темпу. Он заметил, что бревна надо встречать «на тычок» и чуть придержать — течение само разворачивало другой конец и подносило его к звездочке лесотаски. Все зависело от того, чтобы точно попасть багром в центр бревна. Постепенно Витка натренировался, и руки сами делали свое дело, а мысли уносились далеко, далеко...

Вспоминалось детство в большом приморском городе — он не знал, как назывался этот город. В памяти остался только широкий бульвар, пронизанная солнечными лучами листва каштанов и размеренный рокот волн. Потом, уже связавшись с «блатным» миром и исколесив полстраны, Витка побывал во многих городах на морском побережье — он хотел найти мать. Он выходил на приморские бульвары Одессы и Сухуми, Севастополя и Сочи, но там ничто не напоминало ему картин далекого детства, все было не то и не так.

Между детством и горькой юностью легла война.

Где-то в сокровенных тайничках

памяти — тепло отцовской щеки, грубое шинельное сукно, плач матери, ее большие исстрадавшиеся глаза в синеватых веках. Как Витка оказался один — он не знал, ему было тогда лет пять, не больше. Они с мамой ехали куда-то и то ли он отстал, то ли ушел на какой-то остановке из вагона искать отца... Подобрал его на вокзале милиционер Мякишев — его фамилию и дали Витке в детдоме. А какая у него была раньше фамилия — кто же сейчас узнает?

...А вода все прибывала.

Витка тревожно смотрел под ноги в мутную глубину. Дождь не прекращался. Ватник и шапка давно промокли. По лицу, по ушам, за воротник беспрерывно скатывались студёные капли. Но это уже чепуха, он видел только бревна, десятки мамочка выплывавшие из-за устоев огромного моста, и еще слышал крики бригадников: от наплавной запани, перегородившей реку, тянули вверх по течению тросы — верховые выносы. Бревна, заполнившие запань, начали кое-где накапывать на плитки, подминать их под себя, и плитки — громадные двенадцатибревные плоты, скрепленные тросами, — нехотя уходили под воду. Поверх накопившихся бревен надо связать плитки тросами, тогда бревна окажутся в сетке. И все. И Витка, толкая лесины на звездочку лесотаски, то и дело поглядывал на бригадников, с руганью таивших тросы по берегу: успеют или нет?

Он очень хотел, чтобы успели, и еще боялся, что могут и не успеть...

А ведь раньше он вообще ничего не боялся.

В детдоме был драчливым, задиристым, даже ребята старше возрастом избегали с ним ссориться: Витька не тратил слов на перебранку, сразу пускал в ход кулаки, бил зло и молча, не обращая внимания на ответные удары.

Как-то к ним прислали несколько новеньких, среди них Васю Зайцева, долговязого парнишку лет пятнадцати.

От него все и пошло.

По вечерам, после отбоя, Вася увлеченно рассказывал, как скитался по республикам Средней Азии, где фрукты дешевле хлеба, и как хорошо быть вольной птицей, жить без директора и воспитателя, делать что сам захочешь, не делать чего не хочешь... Потом, приглушив голос, он сообщал о каком-нибудь «деле». Прерывистый шепот бередил душу.

— А мы говорим, танцуй отсюда, пока ноги целы... А сторож за ружье... Ну, ему и навернули палкой по голове — враз хвост откинул...

— Чего, чего?

— Ну, кончился, значит, умер... А у меня тоже клычка была — «Веревка». Длинный я, вот меня так и прозвали...

Кто знает, что выдумывал Вася Зайцев, а что было правдой. Но когда Вася через месяц убежал, ушел с ним и Витька Мякишев.

Многое было потом в его жизни. Прошли годы, и стал он одним из тех, кого боятся в уголовном мире, чей голос — закон, хотя лет Витьке было совсем немного — чуть больше двадцати. Трижды был судим, два раза бежал, попадался потом на новых делах, а не за побеги. На суд и милицию смотрел как на неизбежное зло, трудколонию не боялся, знал, как взять в руки бригадников. В общем, был вором, и не в том смысле, как понимают это обыкновенные люди: раз украл — значит вор. В уголовном мире в то время «вор» — это было звание, оно означало принадлежность к своего рода касте, и далеко не каждый преступник в нее допускался.

Но последний год «Витька-доктор» затосковал. Ему было уже 23 года, а жизни он еще не пробовав. Разве можно было

считать жизнью разгульные ночи в воровских притонах и пьяную любовь? Ночные похождения — трое, а то и пятеро с ножами на одного случайного прохожего, и хватая ноги в руки, когда появится милиционер, — потеряли в его глазах всякий интерес: разве ж в этом храбрость? И перед Витькой постепенно возник вопрос: а что потом? Если его не убьют в пьяной драке, не застрелит сторож, защищаясь от грабителей, если все будет благополучно — на сколько лет хватит его здоровья при такой жизни? Пройдет год, и три, и пять, и десять... А дальше? Ни своего угла, ни друзей: он знал, что блатные «друзья» — каждый за себя, и в трудную минуту не поддержат. И женщины... Да какие же это женщины! Как же будет с жизнью, Витька Мякишев? Он и сам этого не знал, но мысли то и дело возвращались к таким вот распроклятым вопросам.

Однажды, когда к какому-то заключенному приехала на свидание жена с дочкой, Витька увидел их. Собственно, он видел только дочь — веснушчатую девчушку лет пяти. Витька посмотрел на ребенка, потом не выдержал, подошел к бригаднику:

— Слушай, кореш, у тебя свиданка личная? Так на что тебе сейчас девчонка? Ты все равно с женой... говорить будешь. Позволь, я с дочкой твоей поиграю часок. Не бойся, все будет в порядке.

Они копались в песке, строили из щепок какие-то домики, потом Витька взял девочку на колени и стал перебирать ее пальчики — пыльные, с заусеницами. А ведь было, наверно, время, когда его самого вот так держали на коленях... Было ли?

Девочка почему-то притихла потом удивленно спросила:

— Разве дяди плачут?

Витька невольно отмахнулся:

— Чего ты... ерунду-то...

— Все не ерунду... вон слезка катится, — девочка провела пальцем по щеке парня, и получился грязноватый извилистый следок.

После этого, после многих мучительных бессонных ночей Мякишев решил «завязать» — покончить с воровской жизнью. Написал письмо в многотиражку:

«Гражданин редактор, если можете и если это нужно для дела, пропечатайте, что я, Виталий Мякишев, по прозвищу «Витька-док-

тор», с этого самого часа решаю кончить воровскую жизнь и отказываюсь от всех воровских обычаев бесповоротно. Я пришел к такому выводу, что человек должен жить своим трудом, строить свою семью, иметь детей, и это будет правильная жизнь человека, а те, кто живет воровством и разбоем, скачет из города в город, чтобы не попасть на глаза ограбленным, это есть подлецы и негодяи, с которыми надо кончать. К сему В. Мякишев».

Письмо напечатали.

Той же ночью к Мякишеву пришли трое вчерашних друзей. Разбудили, один сел на койку, другие стали по сторонам. Помолчали.

— Ты писал? — спросил один, прошуршав белевшим в сумраке листком многотиражки.

— Писал.

— Как же тебя звать?

— Имя знаете.

— Так ты теперь не вор? — спросил один, будто точку поставил.

— Нет.

И тут же удар кулаком в лицо. Ответить Витька не успел; сзади кто-то опустил на голову табуретку.

Очнулся он через какое-то время от хриплых выкриков, от какой-то возни в углу, у самой печки. Шатаясь поднялся, провел рукой по невыносимо болевшей голове — рука стала сразу липкой. Тут же все вспомнил и все понял: в углу бригадники били вора. Такого раньше еще не бывало. Ударить вора — значило навлечь на себя угрозу кровавой расправы — не здесь, так в любом другом месте, не сейчас, так позднее, но расправа была неизбежной. Это знали все. И если люди, наконец, не выдержали, если бросились бить воров — и за него, за Витьку Мякишева, значит, попал он в самую точку, разбередил душу, повернул их все-таки глазами к жизни.

Он нашел в себе силы и шатаясь шагнул:

— Не бей, ребята, остановись! А вы, — он различил в неясном отсвете окна два лица, третий лежал недвижно... — Тащите своего на вахту. — И уже почти спокойно бросил этим двум: — Пусть уберут вас куда-нибудь, хоть себе в карман.

Всю зиму Витька работал на лесоповале. Делал все: пилил, рубил, трелевал, раскрывал. Трудился зло, до соленого пота,

до крови из-под ногтей, тяжким трудом завоевывал право на новую жизнь.

Бывало, иной бригадник отойдет в сторону: «Я этот лес не сажил, и валить мне его без надобности...» Витька Мякишев твердо опускал руку на плечо «шутника»:

— Пойдем, поможешь, у меня без тебя дело не ладится.

А с весны, как только река сбросила ледяной панцырь, Витьку поставили на лесотаски. И вот сейчас, подталкивая бревна на бесконечную цепь, припоминая зимние труды на лесосеках с тревогой думал: какая же стряется беда, если добытый тяжким трудом лес прорвется и уйдет вниз!

...А вода все прибывала, все больше заливала эстакаду, лесотаски, и звенья цепи медленно выползали из-под стремительно kloкотавших струй. И тут Витька понял, что бригадники не управятся. Он крикнул своим:

— Эгей, выключай лесотаски! Пошли, подсобить надо! — Помахал тем, кто стоял у других сортировочных коридоров, и бросился к запани, уверенный, что остальные побегут за ним.

— Эй, начальник, что делать? Запыхавшись от бега, он глянул в глаза давно небритого инженера.

— А что сделаешь? Видишь, как вода идет? Течение — четыре метра в секунду, на такую скорость никаких расчетов нет, — не предусмотрено. Успеем центральный вынос укрепить — наш лес. Не успеем...

— До куда тянуть?

— Вон до тех мертвяков, их еще с вечера врыли.

— По берегу еще час протянем...

— А ты как хочешь?

— Напрямик. По воде, по бревнам...

— Хорошо бы, только послать я тебя не могу — права не имею. Там рядом... погибель.

— Зачем послать? Сам иду. — И, обернувшись к набежавшим бригадникам, спокойно, с усмешкой спросил:

— Кто за компанию? В погибель?

Моросил дождь, монотонно бурлила река, нутужно поскрипывала запань. Бригадники молчали секунду, другую, минуту. Кому же хочется умирать в двадцать пять лет за лес, который ты не сажил и который тебе вроде без надобности?

— Ладно. Пойдем. — Инженер повернулся, прыгнул на запань и деловито зашагал по скользким плиткам, перепрыгивая через навалившиеся кое-где бревна. За ним, балансируя мокрым шестом, двинулся Витька. Остальные замерли на берегу, угрюмо следя за ними.

И тогда Гито не выдержал:

— Эй, слушай, кыто нэ тырус йесть, а? Зачем как бараны стоять будэм, мы — нэ мужчыны?

...Их было тридцать три, по одному через каждые три метра, и каждый волочил свои шестьдесят килограммов, перепрыгивая с бревна на бревно. Тут уж никак не отстать, не бросить, не сбиться с темпа, не уклониться, а ноги скользят, а иное бревно вывернется из-под ног, как живое, — гляди, не оступись!

Вот и берег. Витька и инженер, бросив трос, пропустили мимо себя всех, снова ухватившись за осклизлую, сырую проволоку — давай, давай, поднатужься.

А потом, вдруг, отчаянный крик резанул уши:

— А-а-а-а!

Инженер, лежа на берегу — ноги в воде, — навалился всем телом на трос, за который держался барахливающий в реке Витька. Мякишев. И все увидели, как наплывшее бревно толкнуло его в запрокинутое лицо, потом еще три бревна, и пыжи сомкнулись...

Подбежали бригадники, подняли бившегося в ознобе инженера, а тот, что-то вспомнив, рванулся из дюжины рук:

— Я оступился! Это мне... под водой! Он, Витька, меня на берег... Бревна! Бревна растащить!..

Бешено ругаясь, Гито растолкал молчавших людей, с багром в руках полез в воду, навалился на ближайшее бревно — оно чуть подалось, пошло. И тогда на помощь бросились все — руками, плечами и спинами раздвигали, отталкивали скользкие, неподатливые пыжи, не обращая внимания на режущий холод талой воды, на стремительное течение, на судороги, сводившие ноги...

— Вот он, эй! — Гито окунулся с головой, вынырнул; к нему сразу кинулись инженер и еще кто-то из стоявших поблизости, оторвали от троса сведенные судорогой витькины пальцы, подняли, понесли...

От поселка уже гнали грузовик — везли промокших греться, и от затормозившей на той стороне санитарной машины бежала по берегу пожилая толстая докторша, страдальчески прижав руку к сердцу, и еще бежали какие-то люди. Вода все прибывала, — теперь уже нестрашная, хотя по-прежнему был стремителен ее бег и все также рокотали ее неистовые весенние струи.